

ФРОНТОВЫЕ ПОДМОСТКИ

Победу нельзя поделить на свою и чужую. Она общая для всех, кто хоть как-то прикоснулся к войне. На фронте каждый делал что умел. У одних оружием был "калашников", у других — песня. Представьте себе мальчишек и девчонок, с детства бредивших сценой и прямо из театральных училищ угодивших не на сценические, а на фронтовые подмостки. Вряд ли они мечтали о такой славе и такой публике. Но они сами выбрали этот путь. Кругом рвались мины и свистели пули, а они с чемоданами, набитыми вечерними платьями и театральными костюмами, париками и гримом, шли в одном строю с бойцами, даря им частичку мирной жизни и простые человеческие радости... Сегодня их осталось всего ничего, и в эти дни они собираются, чтобы поднять свои фронтовые сто грамм и вспомнить...

Вероника Васильева.

В водевиле НА ЛИНИИ ОГНЯ

Прогулки по минному полю

В 1941-м году Людмила Богданова, ныне народная артистка, поступила в Щепкинское училище, а в 42-м оказалась в Челябинске, куда эвакуировали Малый театр. Все лето студенты-актеры ездили по госпиталям, а после 3-го курса ее взяли в концертную бригаду, которая выступала по всему 3-му Украинскому фронту. Выступления проходили на площадке, сооруженной из двух "Студбеккеров". Ощущалась "сцена" фарами машин.

— После каждого концерта офицеры нас куда-нибудь тащили, чтобы просто поговорить. Как-то нас даже "украли" в другую часть, чтобы мы выступили и перед теми бойцами. Мы были молодые, чувствовали себя безумно нужными и не сильно боялись. Смеялись, когда в комнате у румынского капитана нечаянно выстрелило ружье — само. Другой раз ночевали в стог сена, и над нами свистели пули. Оказалось, шла артподготовка, а об артистах в поле просто забыли...

Хорошо помню, как мы, четыре девочки-артистки, ехали по Румынии. Я сижу в "Студбеккере" рядом с водителем, он не знает дороги и едет по румынской карте. Я проваливаюсь в сон, просыпаюсь у него на плече, а он едет и боится пошевелиться. Через несколько часов девочки собрались пойти по нужде. А вокруг все заминировано. "Куда вы?!" — кричит водитель. А мы не обращаем внимания и прем по полю мамалыги...

Как нас ждали! Мы, девки в ярких платьях, идем по улице румынского городка. Навстречу военный патруль — по-казывает нам жестами, что после 23 часов нельзя гулять. Спрашивают: "Кто вы?" Отвечаем, что мы только что из Москвы. Как у них изменились лица! А они думали, что мы румынки. Дождались...

Вероника Васильева, заслуженная артистка, Театр им. Вахтангова. Когда началась война, ее, как всех комсомольцев, отправили на трудфронт — рыть противотанковые рвы. По правде говоря, толку от студенток Щупкинского училища было мало, поэтому начальство там же нашло циркачей, объединило их и сделало концертную бригаду.

— Когда мы выступали в Харьковском театре, неожиданно начался обстрел. И все бойцы вмиг пригнулись, кто-то пополз... А так как в театре есть закон, что ты не имеешь права со сцены уйти, даже если помираешь, то я, маленькая девочка в кудряшках, стояла и продолжала петь свои песенки: про старушку, которая ждет сына домой, "Синий платочек" и про посылку — я выходила в форме почтальона с сумкой через голову. Недолго просуществовал спектакль "Бессмертные" Гладкова, потому что там все в конце умирали, и нам сказали: "Зачем, что же вы делаете?..." Просили играть на фронте только веселое, про любовь и без политики.

Где ваше декольте?

Иван Воронов, народный артист, актер РАМТ, играл в Комсомольском мо-

Иван Воронов.

лодежном театре — одном из четырех, созданных специально для фронта.

— В 42-м году мы отправились в Кандалакшу. Едем, а под нами рельсы ходят, как по трясине, потому что наскоро проложены на мягкой почве. Из земли шел дымок — это топили землянки. А утром нам показали подземный театр — человек на восемьдесят. Мы там сыграли три раза подряд спектакль "Парень из нашего города". Было так много желающих посмотреть его, что мы закончили только в три часа ночи.

На передовой мы играли водевил, и я пел "Землянку". Вообще-то ее было запрещено петь, потому что там есть такие слова: "До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага". Я спел ее один раз — тишина. Второй — то же самое. Потом кто-то попросил переписать слова. Вдруг один из бойцов встает и протягивает мне серебряные часы. Говорю: "Что вы, они еще вам пригодятся". — "Знаете, мне еще дожить надо. А вы, может быть, вспомните когда-нибудь, что был такой Абдулла Галим Жималгине Евгимов..." Когда я приехал домой, меня ждало письмо с сообщением, что Абдулла погиб. А часы до сих пор хранятся у меня, и я, правда, всегда вспоминаю того бойца...

Борис Голубовский, народный артист России, в июне 41-го ставил свой дипломный спектакль в Саратове, после чего молодого постановщика назначили главным режиссером Молодежного фронтового театра миниатюр "Огонек".

— В труппе было всего семь актеров. Военные относились к нам с большим уважением: после каждого концерта накрывался стол, выставлялась банка американской тушенки, черный хлеб, шоколад и спирт. Актеры играли в костюмах, сшитых по типу фронтовых. Однажды ко мне подошел комиссар и попросил, чтобы артисты переоделись в штатское: "Нам так хочется красоты!" — сказал он. Тогда женщины облачились в красивые платья, а мужчины — в костюмы. Играли французские водевилы и рассказы Чехова... Один случай я никогда не забуду. Мы были на Северном флоте, где располагалась авиационная база. Наша труппа обедала в столовой вместе с лет-

чиками. И вот однажды приходят летчики, садятся за стол, где для них всегда было расставлено определенное количество тарелок. Все расселись, но одно место оставалось свободным. Вошел командир и молча убрал пустую тарелку со стола. Никто не плакал, все сидели молча. Просто был человек, а теперь нет.

Марину Стародубцеву, артистку оркестра Малого театра, война настигла во время отчетного концерта в музыкальном училище. После того экзамена ее зачислили в консерваторию, в которой учиться ей так и не довелось.

— Меня взяли санитаркой в госпиталь, где работала мама. В ноябре в дом напротив госпиталя попала бомба. В результате взрыва госпиталь лишился отопления и света. Больные умирали от холода и голода. В нашей квартире было одиннадцать градусов ниже нуля. Только когда маме удалось выменять спирт на печку-буржуйку, стало немного теплее.

В 1943 году я поступила работать в оркестр БДТ. В театр бегала под обстрелами. До войны я жутко боялась темноты и покойников, а потом, когда темнота стала нашим неотъемлемым спутником, а на трупы можно было наткнуться в собственном подъезде, мне стало все равно.

Блокаду сняли 27 января 1944 года. Этот день для всех жителей Ленинграда был гораздо значительней, нежели Победа. Я до сих пор не могу ответить на вопрос, как я выжила. Просто повезло. И я никогда не хотела бы вернуть свою молодость! Настолько страшной была жизнь...

С каждым годом нас становится все меньше...

Борис Иванов, актер Театра им. Моссовета. Именно 22 июня 1941 года он стал выпускником Одесского теат-

рального училища. И сразу после выпускного вечера молодого артиста отправили на войну в качестве адъютанта старшего стрелкового батальона. В апреле 1942 года Иванова тяжело ранило. Он долго лежал и истекал кровью, пока его не отправили в медсанбат, мест в котором, естественно, не было.

— Тамашный хирург предложил ампутировать мою незаживающую руку. Он сказал: "Выбирай — или ты умрешь, или останешься без руки". Я сказал: "Я артист — и лучше умру". Видимо, тогда меня спас Бог, молодость и лекарства... Потом я лежал в Бежецке. В том госпитале врач должна была сделать мне очень болезненную процедуру с рукой. Она сказала: "Если будет больно, кричи". Но я ответил, что не издам не звука. Мы поспорили с врачом на тарелку супа, что я выдержу. В итоге я не закричал, зато упал в обморок. Но обещанную тарелку супа я получил.

9 мая мы с однополчанами встречаемся в Парке Горького. Все приходит с припасами, с бутылком. Первая рюмка — всегда за Победу, вторая — за павших. Только мне страшно от того, что с каждым годом нас становится все меньше и меньше...

Михаил Новожижен, народный артист России, экс-ректор Театрального училища им. Щепкина. За год до начала войны молодой солдат Михаил Новожижен оказался в Бресте, в 28-й отдельной корпусной эскадрилье. В апреле 41-го года его командировали в Москву для поступления в авиационную школу связи. Отчасти это спасло ему жизнь: эскадрилья располагалась в шести километрах от границы, и своих однополчан Михаил больше никогда не видел...

— Нас везли на Север, а мы были просто ужасно одеты. На мне, например, была совершенно не греющая кацавейка. В поезде мы разговаривали с одним раненым солдатом, который ехал домой. Он мне сказал: "Посмотри, у меня нет ноги, и шинель мне уже без надобности. Давай поменяемся одеждой..." С одной стороны, эта шинель меня спасла, а с другой... Сначала я ничего не почувствовал, а потом понял, что она просто завшивела.

Дивизия, где служил Новожижен, по ленд-лизу получила самолеты марки "Харикейн". Но на холоде быстро выходили из строя аккумуляторы, в результате чего самолеты оставались без радиосвязи. Михаил и его товарищ Аркадий Жемчугов обеспечили электрическое питание с помощью небольшого самодельного устройства.

— Самое интересное случилось потом, — вспоминает Михаил Михайлович. — Приехали инженеры из Москвы и попросили нарисовать им схему нашего изобретения, а нас с Аркадием тут же "засекретили". Буквально через год мы получили новые самолеты, где наше нововведение было устроено уже по заводским стандартам. Мне лично кажется, что наше изобретение обеспечило Северный фронт радиосвязью...

Мария КОСТОКЕВИЧ, Катя САХАРОВА, Андрей ТУМАРКИН.